

«ЛЮБЯТ в Липецке свой театр...» Как легко и сладко пишется такая фраза! И как мыжно выстраивает она несомненный ряд премии, которые вручают металлурги актерам за лучшую роль, коллективные походы, само здание в бетоне и стекле, где празднично зритель и удобно работающим. Или хотя бы то, как с недавней поры остановку у этого здания стали называть «Театральная», а не «Детский мир», близ расположенный. Мельоме, так сказать, потеснила Меркурия...

Но справедливее начать по-другому: «Любят в театре свой Липецк». И ряд выстраивается иначе. Потому что это театр воюет за своего зрителя, выколупывает его из мягких диванов перед «Рубином». Это главный режиссер пробивается со своим вопросом в плотную повестку горисполкома и чуть ли не сам меняет таблички на автобусах: «Надо, чтоб была «Театральная»».

Взаимоотношения еще далеки от идиллии, в которой герои, тепло взявшись за руки, любят друг дружку. И лучше пока взглянуть в них порознь.

ГОРОД. Четверть века назад Липецк негромко напомнил о себе целебными водами, двумя заводами и счастливым расположением по берегам Вороны. Все это, собственно, при нем и осталось. Только бутылки с минеральной потускнели в условном гербе города. Только привольное местоположение съехилось под натиском микрорайонной громады. Только на строительстве всего лишь одного комплекса теперь занят весь прежний работоспособный Липецк.

Шестикратно (!) увеличилось число жителей, и уже близка полумилионная отметка. За этой статистикой — нарастающие валы судеб и стилей жизни, идеалов и вкусов, ожиданий и разочарований. Вспоминаю одну из поездок в этот развороченный и заново строящийся город: трудовой азарт на доменной площадке

и обидную простоту нравов на площадке танцевальной, стихи за полночь, читаемые в рабочем общежитии, и кулачные расправы за его стенами...

Липецк — работага, знающий горячий пот на выходе металла. Но отчасти и скоробогата, что протянул целые «улицы гаражей» и с деревенской охотой гоняется за движимым (пождем списывать Меркурия). Большой город

НЕТ У МУЗ
ПЕРИФЕРИИ

УРОКИ НА ПОСЛЕЗАВТРА

складывается динамично и противоречиво, акцус его — в брожении, тут незачем что-то упрощать...

ТЕАТР. Стеклобетонный его корабль великолепно глядится. На суше... А в реальном «плаваньи» приливы и отливы к его бортам были доселе мало предсказуемы. Бойкий сценический шлягер обеспечивал недолгие аншлаги. Или — поставь пьесу, «созвучную» местному, нарождающемуся патриотизму, дай на заднике контур улицы, похожей на приречную, — и заговорят в городе, пойдут на первые спектакли.

Зато отлив так опустошительны, что не оставляют у бортов ничего, кроме обрывков ажиот.

«Натеатральность». Практики знают, как трудно отскабливать это, припечатанное к городу. Сюда не заманишь хороших гастролеров, тут не осядут беспокорные искатели новых сценических путей.

Но вспомни: «Надо, чтоб была «Театральная»! Примем я расчет, как заслужил это рванувшийся вперед город.

ВЛАДИМИР Пахомов принял «корабль» три года назад. И, оглядевшись, предложил курс, резко поднимавший постановочные критерии. Репертуар — Шукшин, Распутин, Арбузов, Шатров, русская классика. И категорически никаких бойких «шутек», прежде иллюзорно выучивших кассу и вполне реально истощавших вкусы. Над новым репертуаром во всю меру молодых еще сил работали сам Пахомов, вступившийся второй режиссер Борис Голубицкий. Плюс превосходный отряд привлеченных москвичей, ленинградцев, одеситов. Р. Агамирзан, И. Райхельгауз, Д. Боровский, М. Курило — режиссеры и сценаристы, чьи имена весомы в нынешнем театральном процессе.

Никогда не видел Липецк такого напора и экспрессивности сценических решений, сложной

и ассоциативной режиссерской мысли! Но, быстро «выбрав» самых искусственных зрителей, корабль снова начал оседать...

В пору стойкого отлива собрались за кулисами после вечернего спектакля трое, которые еще не знали о себе, что они упрямцы. Пахомов, Голубицкий и Ольга Михайловна Нестерова, залит театра. Искали не скорых способов спасения — уже испробованы новые и не лежит душа к старым. Искали понимания друг у друга и отыскили его в... грустной решимости, может быть, и вообще бросить это «нетеатральное местечко». Такова была предпоследняя мера искренности. Но ведь не последняя?

— Хвала упрямству — не последняя, — улыбается Пахомов, вспоминая то историческое сидение. — Мы нашли обрыв.

И выглядел он просто: в городе (по той же логике скачка) есть взрослый драматический и нет тюза. Есть, правда, театр кукол. Но, как сами понимают, переход от марионеток к живому актеру — как из эпохи в эпоху. Нет ни малейшей плавности.

Трое за кулисами решили добровольно извратить на себя и на плечи театра восстановление этой плавности.

— Будем делать «золотой» репертуар для детей и юношества. Станем взрослым театром с расчетом на послеавтра.

Понимаете? Не «галочные» утринники с полусонными Белоснежками, не наскоро смонтированные из «подбора» (так называют в театрах послушавшие декорации) и марлечки спектакли. А долговременную программу, спектакли на максимум выдумки и профессионализма.

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ с упрямыми на третий год реализации их программ, разработанной там вечером. Встретились в Москве, на Тверском бульваре, где в зале Театра Пушкина они показали весь свой «довзрослый» репертуар.

Так и было: ни одной шутки и ни метра марлечки. Митежко-взрослый «Р. В. С.» Аркадия Гайдара — первенец новой программы.

Я испугнулся на нем после «интеллектуальной драматургии», — признается Голубицкий. — И это было счастьем.

Во всем строе спектакля чувствовалось оно. И, может быть, больше всего в работе Леонида Ольканина и Александра Тихого — Димки и Жигана, мальчишек из неформального времени, шальных и незанятых, простодушных и верных.

Они же вместе с Людмил

Ивановой и Николаем Чебыкиным перенесли нас в иное время — у Максуда Ибрагимбекова «За все хорошее — смерть», в другой работы Голубицкого. Не шальные — ироничные, не простодушные — недозрелые. Но умеющие стать людьми, когда подступает испытующий час.

Ни одна работа из золотого репертуара не повторяла другой. Шемяча грустный «Малыш и Карлсон», где Виталий Пономарев сыграл человечка с пропеллером таким укоряющим, как этого еще не приходилось и вообразить, а ведь надо бы. И строгий, духовно сосредоточенный спектакль «Подробности жизни» — по нилкинской «Жестокости», инсценированной (для Липецка) москвичом Александром Ремезом. Нет в нем ни романтических погонь, ни схваток в тайге, а есть боль и стыд Венки Малышева, очень многому нас научающий. Записались здесь и Михаил Соболев, заслуженный артист РСФСР, из старших, в роли усталого мужика Баукина.

А следом — наивная и светлая «Снежная королева» Евгения Шварца и лихой, ямарочной-тиньольный (это когда жука-жук) поданная со смехом и смаком) спектакль «На бойком месте». Режиссер — Голубицкий, три других поставил Пахомов.

Много здесь пробы, хорошего озвучения, желания испытать силу на разном. Как издержки появляются иногда и разноречивые, несхожие школы игры, не с каждой режиссерской задачей справляется помолодевшая (и много прошедшая) труппа. Но ведь состоялись уроки на завтра: родился эксперимент, ответственный и высокий, мнущий духовный климат целого города.

...В антрактах московские дети лезли на сцену: что там нарисовал малыш на асфальте? — и безбоязненно гадели, никем и ничем не сдерживаемые.

— У нас иначе, — довольно усмехнулся Пахомов. — Не

пайники, конечно, но в театре уже свои люди и уже выработали праздничные правила... Знаете, и вечера стали иными. Тише, многолюднее. Когда дитяко гадит стца утром за палей: «Хочу «Малыша» — то этот отец вечером идет в тот же театр чаще.

А в антрактах ходит по фойе светловолосая девочка Вера Иванова, художник неуемной и изысканной фантазии пятнадцатилет. Театр привез с собой выставку ее работ. Мы помещаем два ее рисунка по мотивам спектаклей. Они скажут больше, чем легкая фраза «любят в Липецке...»

НУ, А ПАХОМОВ, Голубицкий и Нестерова живут еще на год-два вперед (благо, финансовый план этого — впервые — выполнен еще две недели назад).

У меня нет права рассказывать о том, как дается эксперимент. Об «этантисовских» страстях за кулисами, премьерных скандалах, выработке новых этических критериев. Просто надо знать, что такое — было.

А есть, уже есть коллектив старших, средних и юных, объединенный долговременной программой. Впереди Сент-Экзюпери, Маршак, снова Гайдар. В репертуаре вечером — прежняя строгость отбора: пьесы о Ленине и Чехов, Горький и лучшие новов. Надо вырывать актерские школы, для чего мало наезжих, обучающих речи и пластики, а нужна своя, неспешная работа. Какая? Хотя бы студийный, внепалатный труд над часовской «Чайкой». Надо будет — год, потребуются — и полтора. (Заметим, в областном театре, где срок премьер — два месяца!) И — борьба за нового зрителя, с младых ногтей до седин. Выход к студентам (актеры руководят их кружками, авторитетными),живание в среде металлургов.

Пока достаточно. До новых встреч, упрямы! В Липецке, где любят свой театр.

А. ЕГОРОВ

